

Научная статья

УДК 94(47).047/048(571)

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-46-64

Властный статус Гантимура в середине XVII века: историографические интерпретации и исторические реалии

Андрей Сергеевич Зуев

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

zuev.nsu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2465-380X>

Аннотация

На основе анализа аутентичных репрезентативных источников выявляется реальный властный статус Гантимура, возглавлявшего одну из забайкальских этнотерриториальных групп (нелюдов) и сыгравшего знаковую роль во взаимоотношениях России и Цинского Китая в 1660-х – 1680-х гг. Аргументированно доказывается, что распространенные в историографии версии о принадлежности Гантимура во второй трети XVII в. к числу влиятельных и могущественных представителей военно-политической элиты Даурии – Восточного Забайкалья и Приамурья, не соответствуют историческим реалиям. Установлено, что в это время предводитель нелюдов Гантимур по своему политическому весу не выделялся среди прочих вождей автохтонного населения указанного региона, не обладал высоким властным статусом и не являлся значимой политической фигурой.

Ключевые слова

Гантимур, нерчинские тунгусы, нелюды, история Забайкалья

Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности по проекту № FSUS-2025-0009

Для цитирования

Зуев А. С. Властный статус Гантимура в середине XVII века: историографические интерпретации и исторические реалии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 8: История. С. 46–64. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-46-64

The Power Status of Gantimur in the mid-17th Century: Historiographic Interpretations and Historical Realities

Andrey S. Zuev

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

zuev.nsu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2465-380X>

Abstract

This analysis, grounded in authentic representative sources, elucidates the actual power status of Gantimur, who led one of the Transbaikal ethno-territorial groups (nelyud). Gantimur played a significant role in the diplomatic relations between Russia and Qing China during the period from the 1660s to the 1680s. The study substantiates that prevailing interpretations in historiography, which have characterized Gantimur as an influential and powerful member of the military-political elite in Dauria, specifically Eastern Transbaikalia and the Amur region, during the latter part of the 17th century, do not correspond to historical facts. In the 1st half of the 1650s, when Russian explorers appeared

© Зуев А. С., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 8: История. С. 46–64

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 8: History, pp. 46–64

in the south of Eastern Transbaikalia, Gantimur did not have any high-power status. The nature and context of Gantimur's mention in sources clearly indicate that he was only one of the representatives of the potestiar elite of ethno-territorial associations (clans) and did not lead any large group of Tungus or Mongols and Daurians. The clans and their leaders who lived in Dauria (in the south of Eastern Transbaikalia and in the upper reaches of the Amur River) appear in the sources clearly as independent from Gantimur. The evidence indicates that, at that time, Gantimur did not distinguish himself from other leaders of the indigenous population regarding political significance. He lacked a high-power status and did not emerge as a noteworthy political figure within the region.

Keywords

Gantimur, Nerchinsk Tungus, Nelyuds, history of Transbaikalia

Acknowledgements

The paper was prepared as part of the implementation of the state assignment of the Ministry of Education and Science in the field of scientific activity on the project no. FSUS-2025-0009

For citation

Zuev A. S. The Power Status of Gantimur in the mid-17th Century: Historiographic Interpretations and Historical Realities. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 8: History, pp. 46–64. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-46-64

К числу самых известных личностей в истории Забайкалья времен его присоединения к России принадлежит Гантимур – предводитель нелюдов, причисляемых в историко-этнографической литературе обычно к забайкальским конным тунгусам (эвенкам). Известность же Гантимура связана с тем, что он неоднократно упоминался в ходе российско-маньчжурских переговоров в конце 1660-х – 1689 гг.: Россия и маньчжурский Цинский Китай спорили о том, чьими подданными являются Гантимур и его сородичи [Мясников, 1980, с. 119–124, 127, 135, 140, 146, 151–157, 160–161, 174, 189, 199, 203, 220, 248]. Российская сторона выиграла этот спор, а Гантимур со временем благодаря усилию сначала его ближайших потомков, а затем многих историков постфактум превратился в весьма влиятельного представителя политической элиты автохтонного населения Восточного Забайкалья второй трети XVII в.¹

Многие исследователи полагали, что Гантимур в середине XVII в., в период первых контактов с русскими, занимал видное положение среди вождей, возглавлявших этнотерриториальные группы, обитавшие в Даурии – в юго-восточном Забайкалье и западном Приамурье. По их мнению, Гантимур был главой либо большого «племени» нелюдов, состоявшего из 11 тунгусских и 4 монгольских родов (при этом сам он одновременно возглавлял Дуликагирский род) [Долгих, 1960, с. 339, 349; Мелихов, 1982б, с. 82, 83; Александров, 1984, с. 21; Урай-Кёхальми, 1985, с. 126, 127; Артемьев, 1995, с. 47–48; Дамдинов, 1996, с. 50; Аинчина, 2006, с. 92–93; Мазуров, Пастухов, 2009, с. 194; Хартанович, Хартанович, 2011, с. 71; Гончаренко, Коржова, 2018, с. 26, 101], либо основной массы забайкальских тунгусов, обитавших по рекам Ингоде, Шилке и Аргуни [Энциклопедия..., 2002, с. 145, 151, 205; 2003, с. 224; Варламов, 2022, с. 406, 408].

Некоторые исследователи также указывали на подчинение Гантимуру дауров, обитавших в верховьях Амура [Мелихов, 1982б, с. 73, 82, 83; Александров, 1984, с. 21; Артемьев, 1995, с. 48; Хартанович, Хартанович, 2011, с. 74; Гончаренко, Коржова, 2018, с. 36, 37, 78, 101; Варламов, 2022, с. 406, 408], вследствие чего он якобы в начале 1650-х гг. был «владельцем» земель по рекам Шилке, Аргуни, в верховьях Амура и даже до р. Нэньцзян, а также одним из могущественных в этом регионе представителей местной военно-политической элиты [Серебренников, 1934, с. 2, 4, 7; Яковлева, 1958, с. 30, 34–36; Мясников, 1980, с. 114; Дамдинов, 1996, с. 10, 13, 16; Энциклопедия..., 2002, с. 151; 2003, с. 224; Мазуров, Пастухов, 2009, с. 85, 194; Соломин, 2016, с. 35–36]. А. В. Соломин утверждал, что Гантимур обладал одновременно титулами тайша, зайсан, нойон [Соломин, 2016, с. 34, 35, 45]. Д. Г. Дамдинов титуловал его ханом [Дамдинов, 1996, с. 13]. Р. Г. Жамсаранова полагала, что он являлся «пред-

¹ Гантимур упоминается в большом количестве разноформатных публикаций. Перечисление их всех в сносках значительно увеличило бы объем статьи. Поэтому далее мы будем ссылаться лишь на те публикации, которые наиболее значимы для раскрытия заявленной нами темы.

водителем никан, или Никанского царства», хотя одновременно был и даурским тайшой [Жамсаранова, 2018, с. 28, 118; 2023, с. 71]².

Наконец, в публикациях встречаются утверждения, что Гантимур являлся представителем одной из младших ветвей киданьской династии Ляо [Соломин, 2016, с. 12, 19, 25; Гончаренко, Коржова, 2018, с. 36], потомком одновременно трех великих азиатских правителей и завоевателей – Чингисхана, Тамерлана и Бабура³ либо одного только Чингисхана (по женской линии) [Соломин, 2016, с. 14, 23, 24], а также состоял в близком родстве с богдыханом – маньчжурским правителем Цинского Китая [Соломин, 2016, с. 24–25; Иванчик, Кононенко, 2016, с. 12, 17; Гончаренко, Коржова, 2018, с. 78; Варламов, 2022, с. 406; Полухин, 2022, с. 55].

В историографии встречаются и намного более скромные оценки властного статуса Гантимура, когда его называют просто нелюдским / тунгусским / эвенкийским / даурским родоначальником / вождем / князем / князцом, имевшим под своей властью какое-то число тунгусов [Lee, 1970, p. 54; Туголуков, 1975, с. 92, 98; Словцов, 1995, с. 127, 185; Самбуева, 2003, с. 26–28; Perdue, 2005, p. 165; Quested, 2005, p. 34; Dumbravă, 2010, p. 339–341; Нанзатов, 2012, с. 100; Kim, 2019, p. 76].

Таким образом, в исторической литературе присутствует широкий диапазон версий о месте и значимости Гантимура в политическом ландшафте Даурии в середине XVII в. Вполне закономерно встают вопросы: в чем причина такого количества версий и насколько стремление представить Гантимура весьма заметной политической фигурой соответствует действительности? Поиск ответа на эти вопросы приводит к пониманию того, что почти все, кто в том или ином контексте упоминал Гантимура, весьма поверхностно и некритически знакомился с сохранившимися источниками, а многие авторы вообще занимались не столько анализом исторических фактов, сколько построением умозрительных конструкций, основанных на неverified домыслах, в целях гиперболизации властного статуса Гантимура.

Такая ситуация в историографии во многом определяется объемом и характером той информации о Гантимуре, которая имеется в сохранившихся и введенных в научный оборот источниках. С одной стороны, он неоднократно упоминается в разного рода документах, исходивших в 1650-х – 1680-х гг. от служилых людей, несших службу в Даурии, от восточно-сибирских администраторов (приказчиков и воевод), от центральных властей (прежде всего Сибирского приказа), от российского посла в маньчжурский Китай Н. Г. Спафария, а также в дипломатических материалах, зафиксировавших споры русской и маньчжурской сторон по поводу подданства Гантимура. Его имя встречается даже в Сибирском летописном своде (Книге записной), составленном в 1687 г. Наконец, сведения о нашем герое есть в челобитной и расспросных речах самого Гантимура и в челобитной его внуков Лазаря и Лариона. Все последующие делопроизводственные и нарративные источники (XVIII–XIX вв.) с разной степенью полноты пересказывали информацию, содержащуюся в упомянутых выше документах (Зуев, 2023б, с. 272–280). С другой стороны, все известия о Гантимуре, запечатленные в источниках, являются весьма краткими и отрывочными, во многом повторяют друг друга, содержат неоднозначные и противоречивые сведения и не позволяют в полной мере воссоздать его биографию.

Изучая эти источники, мы в своих более ранних публикациях уже касались вопроса о властном статусе и политическом весе Гантимура в 1650-х – первой половине 1660-х гг. [Зуев, 2012; 2020]. Но поскольку в научной и околонаучной литературе, а также в интернет-публи-

² Никанами русские в 1650-х – 1680-х гг. называли китайцев, Никанским царством – территории Китая, остававшиеся независимыми от маньчжуров до 1683 г.

³ Эту версию впервые озвучил И. И. Серебренников, высказав, однако, сомнение в ее достоверности [Серебренников, 1934, с. 5–6]. Однако она, тем не менее, присутствует в некоторых публикациях [Аинчина, 2006, с. 92–93]. Встречается указание и только на двух предков Гантимура – Бабура и Тамерлана [Гончаренко, Коржова, 2018, с. 36, 79], и на принадлежность Гантимура к некоему «тартарскому царскому роду» – правителям Тартарии [Иванчик, Кононенко, 2016, с. 16–20, 22].

кациях неустанно повторяются тезисы о его «величии», мы сочли необходимым еще раз рассмотреть этот вопрос, развернуто представив критический анализ всей имеющейся на данный момент в распоряжении историков информации, аутентичной историческим реалиям. Нами просмотрены также предания забайкальских тунгусов (эвенков), в которых упоминается Гантимур. Однако записанные в разное время исследователями и опубликованные к настоящему времени фольклорные материалы не содержат каких-либо сведений о его властном статусе.

Впервые Гантимур упоминается в показаниях «даурских и тунгусских мужиков», с которыми вступили в переговоры руководители казачьего отряда Т. Е. Чечигин и С. В. Поляков, посланные Е. П. Хабаровым на р. Шилку. В ходе переговоров, которые состоялись то ли в конце 1650 г., то ли в начале 1651 г., «мужики» заверили, что «с верх Шилки Гантимур князь будет же де он давать ясак с *нелюдов, своих родников*» (челобитная казачьего есаула С. В. Полякова «со товарищи» от 6 сентября 1653 г.)⁴ (здесь и далее курсив наш. – А. З.). 1 марта 1651 г. трое из этих «переговорщиков» – дауры Араул, Мазега и Тыгичей были «распрошены» Е. П. Хабаровым, которого интересовало, «какие люди живут на Амуре и по иным посторонним рекам». В своих «распросных речах» они «расширили» круг людей, подвластных Гантимуру: «Да верх Шилки реки есть неясачной князь Гантимур *улан*. И про тово де князя шурин ево Тыгичей в роспросе сказал: под тем де князем Гантимуром живут люди, шародувы и нелюды и почегги, многие – луков тысячи з две и больши». Эти речи Хабаров изложил в своих отписках (после 1 марта и 29 мая 1651 г.) якутскому воеводе Д. А. Францбекову, а последний – в своих отписках в Сибирский приказ (после 29 мая 1651 г.)⁵ (Акты..., 1842, с. 75). Позже они очень кратко были пересказаны в наказе Сибирского приказа А. Ф. Пашкову, назначенному на воеводство в Даурскую землю (1655 г.) (Наказ..., 1894, с. 2).

В это же время – во второй половине 1650 г. или в первой половине 1651 г. – с Гантимура был взят первый ясак в «государеву казну». Об этом в своей челобитной апреля 1653 г. поведал енисейский сын боярский В. И. Колесников, бывший в 1651 г. приказчиком в Баргузинском остроге: «В прошлых... годах взял я... з Гонтамура князцы и с ево с улусных людей да с Ыжевцы и с ево улусных людей вновь (т. е. в первый раз. – А. З.)... на прошлой на 159 (1650/51) год семдесят два соболя». Ясак с этих же людей, по утверждению Колесникова, был взят и на «160 (1651/52) год» – «четыре сорока соболей четыре соболя»⁶. Правда, в более ранней отписке (составленной до 9 августа 1651 г.) Колесников сообщал, что ясак взял не он лично, а посланные им «енисейские служилые люди Якунка Софонов с товарищи», они и взяли на 1650/51 г. «с новые реки Шилки семьдесят три соболя да три лисицы»⁷. Согласно же показаниям самих Я. Софонов «с товарищи», на Шилку из Баргузинского острога они «посыланы были для государева ясачного сбора» до прибытия В. Колесникова в этот острог (Дополнения..., 1848, с. 344).

Зимой – весной 1653 г. ясак с местного населения Восточного Забайкалья собирал енисейский казачий пятидесятник И. М. Перфильев. Позднее, уже в 1701 г., в челобитной, излагая свои заслуги, он вспоминал: «И, будучи на твоих великого государя многих службах, многих неясачных людей под твою великого государя высокую самодержавную руку привел, и [на вел]икой реке Шилке князца Гантимура с родом и с улусными ево людьми и иных тунгуских родов в ясачной платеж и в вечное холопство во 161 (1652/53) году, и ясак первой с них... взял семь сороков пять соболей с пупки и с хвосты»⁸.

Упомянутые выше ясачные сборщики приходили на Шилку из Баргузинского острога. Их сведения об объясачивании Гантимура подтверждаются показаниями, данными в феврале 1686 г. в Сибирском приказе нерчинским сыном боярским И. М. Миловановым, начавшим

⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 460. Л. 5.

⁵ Там же. Стб. 241. Л. 2; Стб. 508. Л. 21, 27, 29–30.

⁶ Там же. Стб. 343. Л. 95.

⁷ Там же. Стб. 422. Л. 159.

⁸ Там же. Оп. 1. Кн. 1292. Л. 25.

свою службу в Забайкалье с 1657 г.: «В прошлых годах из давних лет, как даурские остроги за великими государи и не были, и в то де время з Байкала из Баргузинского острогу ходили в Даурскую землю на Нерчу реку служилые люди в улусы к нему *князю* Гантимуру для збору ясачные соболиные казны, и он де, Гантимур, тем служилым людям давал с себя и с *роду своего и со всех своих улусных людей* в Байкаловской Баргузинской острог волею своею без аманатов соболиной ясачной казны по 5 и по 3 и по 2 и по соболю с человека... А *князец* Гантимуров в то время со всеми *своими улусными людьми* против государевых ратных людей ни в каком упорстве не был и учинился у великих государей в подданстве и ясак учал платить волею своею» (Зуев, 2023б, с. 285). Схожую в целом информацию дал и сам Гантимур во время его «распроса» енисейским воеводой К. О. Щербатым (Щербатовым) в сентябре 1684 г.: «в прошлых де годах тому ныне лет с тритцать и больши призвал де ево, Петра⁹, под вашу великих государей самодержавную высокую руку в вечное холопство и в ясачной платеж енисейской десятник казачей Козьма Федоров, и в тех де в прошлых годах платил он, Петр, з детьми своими и *со всем своим родом* ваш великих государей ясак в Баргузинской и в Нерчинской острогах по вся годы» (Там же, с. 283).

В ноябре 1653 г. – феврале 1654 г. с этнотерриториальных групп, обитавших на «великой реке Шилке» и в районе Иргенского острожка, собрали ясак казаки из отряда енисейского сына боярского П. И. Бекетова. Все эти группы были идентифицированы ими как тунгусы. В составленной по итогам сбора ясачной книге присутствует запись: «генваря месяца в 29 день роспись имянная нелютцким людям, и дуларским, и киптягирским з Гантимура *князца* да с сына ево с Кадага государева ясаку четыре соболя с пупки и с хвосты взято». Вслед за этой записью с пометой «тово же роду» поименно перечисляются 34 чел., также обложенные ясаком, из чего можно заключить, что «нелютцкие», «дуларские» и «киптягирские» люди представляли один род. Однако далее с пометой «тово ж Нелюцково роду» перечислены 59 чел., а в самом конце книги (после указания других разных родов) названы имена еще пятерых «нелютцких тунгусов». И это дает основание полагать, что «Нелюцкий род» все же был самостоятельным родом, отдельным от двух других родов – Дуларского и Киптягирского. К тому же в другом месте этой же ясачной книги три этих рода перечисляются как равнозначные наряду с другими тунгусскими родами: «с нелютцких людей, и с какарских, и с дуларских, и с киптягирских, и с намятцких, и с шунинских, и с баликагирских, и с баягирских, и с почегирских, и с луникирских». Смешение же в ясачной книге трех указанных родов объясняется скорее всего тем, что в момент внесения ясака (29 и 30 января 1654 г.) их представители вместе с Гантимуром находились в одном месте, тогда как часть «нелютцких» людей сдала ясак позже и в течение нескольких дней (2, 10, 16 и 23 февраля), возможно, даже в разных местах. Всего в книге зафиксировано 13 тунгусских родов, а если же нелюдов, дуларов и киптягиров считать за один род, то 11¹⁰.

Известен еще ряд документов, в которых Гантимур, его род и улусные люди упоминаются в контексте ясачного сбора. Приведем формулировки этих документов: «а *князь Тимур-улан* станет ли ясак давать, или нет, того не слыхали» (распросные речи служилых людей Ф. Самсонова и С. Андреева перед московским дворянином Д. И. Зиновьевым, прибывшим в Приамурье, 17 декабря 1652 г.)¹¹; «и Ярко де (Е. П. Хабаров. – А. З.)... велел де им идти вверх по реке Шилке к Гантимуру *князю* для ясаку» (распросные речи подьячего И. П. Посохова перед Д. И. Зиновьевым, декабрь 1652 г.)¹²; «послал служилых людей на великую реку Шилку десять человек – десятника казачья Максимка Уразова с товарищи – к *нелюдскому князю* Гентамуру на усть Нерчи реки для заимки острожново поставленья и для государева ясачново збору и вновь землиц привоуду под ево государеву царскую руку» (отписка П. И. Бекетова

⁹ Имя Петр было дано Гантимуру при его крещении в 1684 г.

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 27. Л. 324–328.

¹¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 427. Л. 464.

¹² Там же. Стб. 460. Л. 55.

из Ингодинского зимовья, после 20 января 1654 г.)¹³; «на великой реке Шилке и на Иргень озере... ясак... с прежних новоприводных земель князцов *нелюдцково князя* Гантимура с товарищи и с *их улусных* з десяти земель людей на тебя, государя, соболями на нынешней на 162-й (1653/54) год... взяли» (отписка енисейского воеводы А. Ф. Пашкова, после 25 июня 1654 г.; составлена на основе отписки П. И. Бекетова и распросов его казаков, прибывших в Енисейск)¹⁴; «в нынешнем... во 162-м (1654) году марта в 12-й день... он де, Петр Бекетов... послал к нему, *Гантимуру князцу, и к иным многим князцом и к улусным их людям* двух человек – пятидесятника казачья, толмача Фетку Львова, а ехать де... от усть Нерчи реки *до нево, князца Гантимура, и до иных князцов* и до *их улусных людей* пять дней» (отписка А. Ф. Пашкова, после 30 августа 1654 г.; составлена на основе отписки П. И. Бекетова)¹⁵; «а *нелюцкой*, государь, *князец* Гантимур... на прошлой 164-й (1655/56) год государева ясаку с себя и с *своих улусных людей* не дал; июня... в 13-й день я, Калинка... посылал служилых людей десятника казачья Ивана Болотова с товарищи к нему, *Гантимуру князцу*, для государева ясачново соболиново збору, и он, Гантимур, дал с себя и с *своих улусных людей* государева ясака дватцать три соболя, а з *достальных людей нелюцких* он, Гантимур, сулил государев ясак, хотел дать в нынешнем во 165-м (1656/57) году... а Гантимур *князец с своими улусными людьми* прикочевал к острогу ближе на Нерчу реку (отписка казачьего десятника К. И. Полтина из Шилкского острожка, после 18 декабря 1656 г.)¹⁶; эту информацию очень кратко пересказал в своей отписке (после 4 июня 1657 г.) в Сибирский приказ А. Ф. Пашков¹⁷).

Упомянутыми выше документами ограничивается круг введенных в научный оборот источников, в которых содержится информация о Гантимуре, относящаяся к концу 1640-х – первой половине 1650-х гг. Эту информацию русская сторона получала в ходе контактов с представителями местного населения Даурии и с самим Гантимуром. Соответственно, ее можно признать если не в полной мере, то в значительной степени отражающей исторические реалии. И она позволяет сделать следующие наблюдения.

Русские землепроходцы, а вслед за ними и русские органы власти сразу же, как только узнали о Гантимуре, стали титуловать его князем / князцом / князьком. Этот титул активно применялся русской стороной при категоризации и классификации социальной структуры местного населения на большей территории Сибири. Он служил для обозначения статуса тех лиц, которые обладали властью над этнотерриториальными объединениями разных форматов и разной численности. Ниже князей / князцов по иерархии располагались – в русской номинации – лучшие люди, улусные люди и холопы. Таким образом, Гантимур, безусловно, принадлежал к потестарной элите народов Восточной Забайкалья.

Из приведенных выше сведений следует, что он возглавлял *свой* род (Нелюдский) и *своих* улусных людей. В трактовке русских документов XVII в. под родом понимались как ближайшие сородичи (патриархальная семья из двух-трех поколений), так и некая этнотерриториальная общность, в которую помимо сородичей входили и улусные люди, не являвшиеся родственниками главы рода. При этом нередко имя Гантимура упоминается в увязке только с *его* улусными людьми. Нелюдский же род в историко-этнографических исследованиях, как правило, причисляется к конным тунгусам – восточно-забайкальским эвенкам-скотоводам, хотя его этническая принадлежность (равно как и этничность Гантимура) не поддается точной идентификации. Основным местом обитания нелюдов на момент появления в Восточном Забайкалье русских были верховья р. Шилки в районе между устьями рек Нерчи и Куэнги (Куэнги) [Зуев, 2023а, с. 142–159].

¹³ СПФ АРАН Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 329 об.

¹⁴ Там же. Л. 286 – 286 об.; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 344. Л. 574.

¹⁵ СПбФ АРАН Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 300.

¹⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 341–342.

¹⁷ Там же. Л. 338.

Два раза в документах встречаются указания на то, что Гантимуру подчинялись иные роды: в 1651 г. – шародувы и почегги, в 1654 г. – дулары и киптягиры. Насколько эти указания соответствовали реальности, сказать сложно. Вполне возможно, что в какие-то периоды отдельные тунгусские роды временно оказывались под номинальной властью Гантимура¹⁸. Однако вся изложенная выше информация (в первую очередь контекст упоминания Гантимура) однозначно свидетельствует, что никаким особым (высоким) властным статусом по сравнению с предводителями иных родов и улусных людей он не обладал.

Высказанное Б. О. Долгих мнение (поддержанное многими исследователями) о том, что Гантимур возглавлял 11 тунгусских родов (Баягирский, Дуликагирский, Колтагирский, Почегорский, Луникирский, Баликагирский, Челкагирский, Чермагирский, «Украинский» (Вакасильский), Шунинский и Кайзойский), а нелюды вместе с дуларами и киптягирами являлись дуликагирами [Долгих, 1960, с. 335, 336, 340, 343, 349], не соответствует действительности. Выдвигая это мнение, Б. О. Долгих ссылался на ясачную книгу П. И. Бекетова 1654 г. Но в этой книге, во-первых, нет дуликагиров и Дуликагирского рода, они вообще ни в одном введенном в научный оборот источнике не упоминаются до 1670-х гг., по крайней мере применительно к Восточному Забайкалью. Попытки же Б. О. Долгих и ряда других исследователей идентифицировать дуликагир как дуларов также являются безосновательными: в русских документах конца XVII – XVIII в. дулары и дуликагиры фиксировались как отдельные роды [Зуев, 2023а, с. 146–147, 149–150]. Во-вторых, кроме нелюдов (Нелюдский род), дуларов (Дуларский род) и киптягиров (Киптягирский род), все другие тунгусские роды в ясачной книге П. И. Бекетова однозначно фигурируют как самостоятельные и независимые от Гантимура: Баягирский, Какарский (Колтагирский?), Почегорский, Лункигеленский / Лукигеленский (Луникирский?), Шунинский, Баликагирский, Намятский (Намясинский), Шилегирский (Челкагирский?), Чемамагирский, Екокогирский¹⁹.

Наряду с Гантимуром и как равные ему в той же ясачной книге П. И. Бекетова, а также в отписке А. Ф. Пашкова (после 12 июня 1654 г.²⁰) фигурируют и другие князьки / князья, возглавлявшие роды, обитавшие в районе реки Шилки и озера Иргень в первой половине 1650-х гг.: – Бопдоной / Болдоной (Чемамагирский / Чамамагирский род), Байбуг / Бабуг (Какарский / Какагирский род), Тюкш / Тякш (Намятский / Налятцкий род), Кагил (Баягирский род), Топуг (Почегорский / Почегирский род), а также (в ясачной книге) два безымянных шуленги Почегорского рода и шуленга Евгондай Шилегирского рода²¹. В отписке П. И. Бекетова, составленной после 20 января 1654 г., упоминаются также князцы Карбаин и Ижевца, которые «приехали в новой государев в Ергенской острог»²². Фразу из отписки А. Ф. Пашкова – «с прежних новопроводных земель *князцов* Нелюдцково князя Гентамура *с товарищи* и с их улусных с 10 земель людей»²³ – никак нельзя трактовать, как это делают некоторые исследователи, таким образом, что Гантимуру подчинялись 10 «землиц»-«родов». Указание на князцов-товарищей и их улусных людей вполне определенно говорит о том, что этими десятью «землицами», кроме Гантимура, «владели» и другие князцы, имена которых

¹⁸ «Реальная власть в кровном роде конных тунгусов, – замечает В. А. Туголуков, – принадлежала главам больших и сильных патриархальных семей, представлявших собой независимые и сплоченные коллективы близких кровных родственников в составе трех-четырех поколений от общего предка. Такие патриархальные семьи могли подчинять и ставить в вассальную зависимость от себя небольшие и организационно рыхлые группы тунгусов, принадлежавших к другим родам, а также группы иноязычного населения, в особенности оседлого» [Туголуков, 1975, с. 92].

¹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 27. Л. 324–328.

²⁰ Информация в отписке А. Ф. Пашкова о тунгусских князцах взята из ясачной книги П. И. Бекетова.

²¹ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 286; Д. 27. Л. 324–328; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 344. Ч. 2. Л. 583–584. В источниках, на которые мы ссылаемся, главы родов титулуются то князьками, то князьями, в написании их имен и названий родов также присутствуют различия, иногда весьма значительные.

²² СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 330.

²³ Там же. Л. 286; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 344. Ч. 2. Л. 584.

А. Ф. Пашкову либо были неизвестны, либо он не счел нужным их перечислять²⁴. Обратим внимание также на то, что упоминание в той же ясачной книге наряду с Гантимуром князька Почегорского / Почегирского рода Топуга ставит под сомнение информацию дауров Араула, Мазеги и Тыгичея о подчинении почегов Гантимуру.

Весьма неопределенными и непрезентативными являются данные о числе людей, подвластных Гантимуру. Его шурин даур Тыгичей в 1651 г. утверждал, что «под тем де князем Гантимуром живут люди, шародувы и нелюды и почеги, многие – луков тысячи з две и больши». На 1650/51 с князцов Гантимура и Ижевцы и их улусных людей было взято в ясак то ли 72, то ли 73 соболя, да 3 лисицы, на 1651/52 – 164 соболя. Согласно норме, отраженной в ясачной книге П. И. Бекетова, с одного взрослого мужчины должно было взиматься 2 соболя, а всего с 293 чел. было взято 725 соболей, в среднем примерно 2,5 соболя с одного человека. Исходя из этого можно предположить, что в 1650/51 г. было объяснено 30–36, в 1651/52 г. – 65–82 чел., но часть из них находилась под властью Ижевцы. Все тот же П. И. Бекетов в упоминавшейся отписке, составленной не ранее января 1654 г., сообщал, что «приехали в новой государев в Ергенской острог з государевым ясаком, ко мне князец Карбаин да Иживца, а с ними улусных людей шестьдесят человек»²⁵. В ясачной книге П. И. Бекетова на январь – февраль 1654 г. учтено 100 человек нелюдов, дуларов и киптягиров, из них 66 были точно нелюды, 34 – нелюдами, дуларами и киптягирами.

Разумеется, считать данные ясачного сбора точно отражающими реальность нельзя. В период первоначальных контактов с местным населением землепроходцы объясняли тех, кого заставляли в конкретное время в конкретном месте, и абсолютно непонятно, сколько еще сородичей объясненных оставались вне досягаемости сборщиков ясака. Сами же автохтоны не испытывали радости от ясачного обложения и обычно стремились его избежать. Однако эти данные все же позволяют полагать, что численность людей, подвластных Гантимуру, хотя и заметно отличалась от численности улусных людей некоторых других князцов (у Бопдоной – 13 ясачноплательщиков, т. е. взрослых и подростков мужского пола, у Топуги, Байбуги и Тюкши – по 26, у Кагила – 23)²⁶, тем не менее не была значительной и, скорее всего, ограничивалась несколькими сотнями человек обоего пола и всех возрастов²⁷. Упомянувшийся выше И. М. Милованов в своих показаниях в Сибирском приказе в 1686 г. сообщал, что у Гантимура «роду де ево и улусных ево людей будет с 500 человек» (Зуев, 2023б, с. 285). Эту численность некоторые исследователи принимают как относящуюся к началу 1650-х гг. [Энциклопедия..., 2003, с. 224]. Но из показаний (учитывая употребление И. М. Миловановым глаголов в прошедшем и настоящем времени) однозначно следует, что она относится к середине 1680-х гг.

По поводу же властвования Гантимура над амурскими даурами можно констатировать следующее. Это утверждение основано исключительно на информации, озвученной самим Гантимуром енисейскому воеводе К. О. Щербатому в сентябре 1684 г.: «а жил де он, Гантимур, преж сего в Даурской земле по великой реке Шилке, а владел де он многими даурскими пашенными людьми, а ясак де платили и пашню пахали те даурские люди на него, Гантимура, и за малолюдством де ево, Гантимура, тех ево пашенных людей овладел китайской богдокан» (Зуев, 2023б, с. 283). И информация эта не соответствует действительности. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с донесениями и распросами русских землепроходцев, действовавших во второй половине 1640-х – первой половине 1650-х гг. в Даурской земле (низовьях Шилки и верховьях Амура), а также с составленными на их основе распорядительными документами местных и центральных властей. Из них однозначно следует, что

²⁴ Можно предположить, что «прежние новоприводных земли князцы» – это те князцы, которые вместе с Гантимуром были объяснены в 1651–1653 гг.

²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 330.

²⁶ Там же. Д. 27. Л. 324–328.

²⁷ Д. Думбрава полагает, что общая численность «клана» Гантимура на момент объяснения составляла «более 300 человек» [Dumbravă, 2010. P. 339–340].

Гантимура среди князцов / князей, «владевших» «даурскими людьми», не было, он фигурировал отдельно от них. В частности, пленные «даурцы» (среди которых был и шурин Гантимура Тычигей) в марте 1651 г. поведали Е. П. Хабарову, что «с верх де Шилки реки и по Амуру вниз живут городами даурские князья – князь Лавкай, да князь Шилгиней, да князь Албаза, да князь Атуй, да князь Дасаул, да князь Байбулай, да князь Гуйгудар, да князь Якорой, да князь Исолкан»²⁸. Лидирующие властные позиции в этом районе занимали собственно даурские вожди, прежде всего Лавкай, Шилгиней и Гильдегу. Район, где Шилка, сливаясь с Аргунью, превращается в Амур, и верховья Амура занимал «Лавкаев улус», или «Лавкаево княжение» (Акты..., 1842, с. 67–76; Дополнения..., 1848, с. 50–56, 102–104, 173–174, 221, 258–261, 347, 357, 359–363, 372, 373; Полевой, 1995, с. 32–40) [Цыбенков, 2012, с. 46–52]. Ниже по Амуру располагались владения других даурских князцов, которых участник похода Е. П. Хабарова С. В. Поляков и его товарищи охарактеризовали следующими словами: «Даурской земле державцы именем Толга, да Балуня, да Торончай з братом, да Омантю, ево брат. И те были, государь, князцы даурские лутчие державцы», «а тот Толга был державец всей Даурской земле» (Полевой, 1995, с. 35, 36). Насколько адекватно действительности землепроходцы определяли могущество отдельных даурских князцов – вопрос, выходящий за рамки нашего исследования. Но сравнение оценочных характеристик властного статуса этих князцов и Гантимура явно говорит о том, что Гантимур в глазах землепроходцев был менее значимой фигурой, чем «даурские державцы», владевшие «княжениями». Правда, эти князцы, по сведениям, собранным землепроходцами, давали дань-ясак, но не Гантимуру, а богдойскому царю – маньчжурскому богдыхану (Акты..., 1842, с. 72, 73, 76; Дополнения..., 1848, с. 50–56, 260, 347, 360–362) [Мазуров, Пастухов, 2009, с. 60–63, 67–70, 89–93, 100–101, 182].

И если землепроходцы получили информацию о том, что дауры (возможно, не все, а какая-то их часть) являются данниками маньчжуров, то почему они не упомянули о взимании дани-ясака Гантимуром с каких-то «пашенных дауров»? Напрашивается только один ответ: ни в каких даннических отношениях с Гантимуром дауры не состояли. Если бы было иначе, то землепроходцы обязательно на это указали бы, поскольку, проводя объясачивание населения в разных районах Сибири, они всегда выясняли политический статус тех, кого приводили в подданство российскому монарху, а именно – самостоятельны они или находятся от кого-то в зависимости.

Первый даурский воевода А. Ф. Пашков, прибыв осенью 1657 г. в Восточное Забайкалье и ознакомившись с местной политической ситуацией, в своих отписках 1658–1659 гг. однозначно идентифицировал тунгусов, нелюдов и дауров как самостоятельные (независимые друг от друга) политико-территориальные группы: «на великой реке Шилке в Нелютцкой и в Тунгуской и в Даурской землях», «в Нелютцкой и в Тунгуской землях», «на великой реке Шилке в Даурской земле» и т. д.²⁹ Таким образом, по оценке А. Ф. Пашкова, нелюды, тунгусы и дауры обладали равным политическим статусом, а соответственно Гантимур (как вождь нелюдов) не властвовал над многими тунгусскими и даурскими родами.

Информация же о владении Гантимуром «многими даурскими пашенными людьми», зафиксированная в его распросных речах К. О. Щербатым, появилась, как мы полагаем, вследствие стремления Гантимура (возможно, по согласованию с Щербатым) усилить свою значимость в глазах русских властей, вписав ее в контекст военно-политической ситуации в Приамурье. А эта ситуация складывалась не в пользу России: в начале 1680-х гг. маньчжуры резко увеличили свое военное присутствие на Амуре и к 1684 г. вытеснили русских со значительной территории Приамурья, претендуя на владение всем этим регионом [Яковлева, 1958, с. 115–120; Мясников, 1980, с. 164–178; Александров, 1984, с. 117–129]. И Гантимур, который общался с К. О. Щербатым в Енисейске по дороге в Москву для встречи с царями Иваном и Петром, решил (вполне возможно, по совету Щербатого) сыграть на уси-

²⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 27.

²⁹ Там же. Л. 59, 144в, 326, 332, 333, 336, 345.

лении легитимных прав России на «Даурскую землицу»: он как владелец «пашенных» дауров является подданным русских царей, соответственно, и дауры – такие же подданные, а территория их обитания принадлежит России, маньчжуры же никаких прав на нее не имеют. Такая трактовка способствовала бы существенному повышению политического веса Гантимура, особенно в преддверии его встречи с царями. Но эта встреча не состоялась, так как Гантимур не доехал до Москвы, скончавшись в октябре 1684 г. в г. Нарыме³⁰.

Не исключено, что версия о «владении» Гантимуром «даурскими пашенными людьми» могла «вырасти» из его рассказа К. О. Щербатому о своей жизни на р. Шилке. Известно, что население, обитавшее по берегам этой реки, до появления русских меняло свой скот на хлеб, выращиваемый даурами князя Лавкая (Дополнения..., 1848, с. 52–53, 174). Гантимур мог поведать об этом енисейскому воеводе, а тот вольно интерпретировать торговые отношения как зависимость одних их участников от других. Такая интерпретация вполне соответствовала практике первых русских контактов с сибирскими народами, когда товаро-дарообмен – обмен товаров / подарков на пушнину казаки-землепроходцы нередко трактовали как превращение сибирских автохтонов в ясачноплательщиков – подданных русского царя.

В свое время исследователи российско-китайских отношений П. Т. Яковлева и В. С. Мясников высказали версию, что Гантимур, начав платить ясак русским, не стал ссориться с маньчжурскими (цинскими) властями и считал себя также и их подданным [Яковлева, 1958, с. 35; Мясников, 1980, с. 114]³¹. Схожее мнение, но более осторожно сформулировал А. В. Полухин, полагая, что после объясачивания «Гантимур на время занял нейтральное положение, контактируя и взаимодействуя с властями двух разных стран одновременно» [Полухин, 2022, с. 56]. Согласно же утверждению А. В. Соломина, еще до знакомства с русскими «Гантимур стал цинским военачальником с чином ниру-чжангинь», а вскоре получил от маньчжуров «звание бейсе – князя 4-й степени» [Соломин, 2016, с. 25–26]. Эта версия, конечно, призвана усилить представление о Гантимуре как влиятельной политической фигуре, и отдельные авторы писали даже о его «чрезвычайно высоком» «политическом весе» в Цинском Китае [Гончаренко, Коржова, 2018, с. 40; Варламов, 2022, с. 411]. Но она, равно как и предположения П. Т. Яковлевой, В. С. Мясникова и А. В. Полухина, не согласуется с историческими реалиями.

Маньчжуры, создавшие в начале XVII в. свое государство (с 1636 г. – Великая Цин), активно практиковали присвоение лояльным вождям различных этнотерриториальных групп, которые попадали под их власть, своих чинов, связанных с выполнением определенных должностных обязанностей, в том числе чина цзолин (кит.) / ниру-чжангинь (маньчж.). Этот чин являлся одним из низших в маньчжурской военно-административной иерархии. Цзолины командовали ниру (условно ротами). Как отмечал Г. В. Мелихов, «обычно в так называемые маньчжурские ниру (роты численностью в 300 воинов) населения включались целыми местными родами или даже селениями, как правило, во главе со своими прежними старейшинами и вождями» [Мелихов, 1982б, с. 83]. Однако к середине XVII в. (когда Гантимур якобы стал цзолином или сохранял политическую зависимость от маньчжуров) районы рек Шилки, Нерчи и Аргуни (как и прочая территория Восточного Забайкалья) не входили в зону влияния маньчжуров, и никаких действий по установлению своей власти над местным населением они не предпринимали [Мелихов, 1982а, с. 20–47], и, соответственно, никаких чинов местным вождям они раздавать не могли, а сами вожди не могли считать себя подданными маньчжуров. Этим же аргументом опровергается предположение В. А. Туголукова о том, что «тигулование» Гантимура уланом (монг. «красный»), прозвучавшее в распросе дауров в 1651 г. (см. выше), указывает на «временную принадлежность Гантимура к маньчжурской армии, степени различия в которой определялись цветом знамен» [Туголуков, 1975, с. 100]³². Заметим также, что дауры (обитатели верховьев Амура), которых в начале 1650-х гг. расспраши-

³⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 129, 138.

³¹ Почти аналогичное суждение см.: [Григорьева, 2011, с. 219; Гончаренко, Коржова, 2018, с. 28].

³² Развернутую критику этого предположения см.: [Зуев, 2020, с. 17–19].

вали русские землепроходцы, совершенно ничего не сообщали о контактах Гантимура с богдойцами (маньчжурами). Но, когда в неоднократных переговорах с хабаровцами речь заходила о них самих, дауры почти постоянно твердили, что общаются с богдойцами и дают им дань (см. выше).

Нами выявлено лишь два точных упоминания о «присутствии» маньчжуров в Восточном Забайкалье. И оба они исходят от енисейского воеводы А. Ф. Пашкова. Первое – это пересказ его наказной памяти П. И. Бекетову в отписке последнего в июле 1653 г. Из этого пересказа следует, что П. И. Бекетов был «послан из Енисейского острогу от государева воеводы от Афонася Филиповича... на великую реку Шилку послом к Богде царю» (Дополнения..., 1848, с. 392, 393). Второе – отписка А. Ф. Пашкова после 12 июня 1654 г.: «в новых немирных землях в области Китайского государства подданных ево богдойского царя Шамшакана на великой реке Шилке и на Иргень озере промеж неясных людей в самых угожих местах поставили (казаки. – А. З.) твои государевы два острога»³³ (Сборник..., 1960, с. 203). Эти упоминания основаны на той информации о ситуации в Приамурье (*Даурии*), которая поступала в Енисейск из Сибирского приказа, от якутского воеводы и землепроходцев и в которой содержались сведения о подвластности амурских дауров маньчжурам. И, имея весьма смутное представление о географии отдаленного от Енисейска региона, А. Ф. Пашков считал, что и юго-восточная часть Забайкалья (также в русских источниках относимая к *Даурии*) находится под контролем маньчжуров – «в области Китайского государства». Однако, будучи назначенным воеводой в Даурию и начав более основательно собирать информацию об этом регионе, а затем уже по пути к месту назначения он в своих отписках стал разделять Даурию и «область Китайского государства»: «по великой реке Шилке и по Амуре реке, и в области Китайского государства, и в Даурской земле», «в Китайской и в Даурской землях и вверх по великой реке Шилке». Прибыв же в Восточное Забайкалье, он выяснил, что «богдойские люди» находятся в «дальнем разстоянии», и уже ничего в своих отписках не сообщал о каком-либо маньчжурском присутствии в данном регионе³⁴. Равным образом и землепроходцы, действовавшие в 1650-х гг. в Восточном Забайкалье в своих отписках и показаниях ничего не сообщали о пребывании в этом регионе (к западу от собственно Приамурья – в районе рек Шилки, Нерчи и Аргуни) маньчжуров и о том, что местное население находится под каким-то их влиянием.

Что же касается наличия у Гантимура титулов бейсе, зайсана, тайши и нойона, а также его родства с киданьской династией Ляо, Чингисханом, Тамерланом, Бабуром и маньчжурским правителем Китая, то все эти версии не подкреплены ссылками на репрезентативные источники и анализ фактического материала, и, соответственно, могут считаться не более чем умозрительными конструкциями и плодом богатого воображения их авторов, стремившихся представить Гантимура фигурой чуть ли не азиатского масштаба.

Во второй половине 1650-х гг. (точнее определить невозможно) нелюды во главе с Гантимуром и еще несколько групп забайкальских конных тунгусов покинули территории, над которыми русские устанавливали свою власть, и ушли в район р. Наун (Нонни, ныне – р. Нэнцзян, приток р. Сунгари), который в то время находился в процессе включения в состав Цинского Китая [Зуев, 2013]. По утверждению многих историков, именно здесь Гантимур оказался на службе у маньчжуров и получил от них высокий статус в маньчжурской властной иерархии. Но это утверждение, не подкрепленное хоть какими-то бесспорными аргументами, является весьма сомнительным и, скорее всего, не соответствует реальным позициям Гантимура в маньчжурском политическом пространстве [Зуев, 2020].

В 1666/67 г., согласно сведениям, содержащимся в отписках (после 26 апреля 1670 г.) приказчика Нерчинского острога Д. Д. Аршинского, «князец, родом тунгус Нелюдцково роду Гантимур з детьми и з братьями и с улусными своими людьми 40 человек» вернулся «из Богдойской земли» на р. Нерчу (Акты..., 1842, с. 455; Дополнения..., 1857, с. 41). Эта же чис-

³³ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 286.

³⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 68–69, 144а – 144г, 194–196, 248–281, 313–339, 345–347.

ленность зафиксирована и в ведомости ясачных иноземцев Нерчинского уезда, составленной в 1735 г. в Нерчинской воеводской канцелярии по запросу Г. Ф. Миллера: «И во 175-м (1666/67) году... князец Гантимур... с родом своим в 40 человеках из Богдойской землицы вышли... под высокосамодержавную руку в ясашной платеж» (Элерт, 2018, с. 280).

Некоторые исследователи, однако, приводят весьма завышенные данные о численности людей (тунгусов), пришедших вместе с Гантимуром: от 100 до 10,5 тыс. чел. [Спасский, 1822, с. 343; Паршин, 1844, с. 117; Словцов, 1995, с. 161; Dumbravă, 2010, р. 341; Соломин, 2016, с. 46; Жамсаранова, 2018, с. 48; Гончаренко, Коржова, 2018, с. 87; Варламов, 2022, с. 409]. Внуки Гантимура Ларион и Лазарь в своей челобитной 1710 г. заявили, что «дед их з детьми своими и с родом своим, которая под ним были, из державы богдойского царства отшел и пришел в Нерчинской с детьми своими и со всем родом... больши 500 человек»³⁵ (Зуев, 2023б, с. 279). Но этой цифре нельзя верить, поскольку биографические сведения о Гантимуре, изложенные в челобитной Лариона и Лазаря, насыщены вымыслом, о чем мы уже обстоятельно писали в одной из своих статей [Зуев, 2020]. Заметим также, что в более ранних челобитных (1700 и 1705 гг.) Ларион и Лазарь, а также другие ближайшие родственники Гантимура (сноха Мария, внучка Авдотья, внуки Бишенга и Андрей), упоминая о его возвращении на р. Нерчу, вообще не называли численность вернувшихся с ним людей, констатируя лишь то, что он пришел «со всем своим родом» и «многими улусными своими людьми»³⁶. Даже сам Гантимур в челобитной, поданной в июне 1684 г. нерчинскому воеводе И. О. Власову, сообщая о том, что «вышел... з детишками своими с восьмью сынышками, и с родишками, и с улусными людишками своими... ис под Китайского государства с Науна реки», также умолчал о численности этих «людишек» (Зуев, 2023б, с. 280). А в своих «распросных речах» перед енисейским воеводой К. О. Щербатым в сентябре 1684 г. совершенно умолчал даже о своем уходе от маньчжуров (Там же, с. 280, 283). Складывается впечатление, что Гантимур, который к середине 1680-х гг. нерчинской администрацией стал рассматриваться как наиболее важный для них тунгусский вождь, сознательно утаил тот факт, что в момент возвращения на свои «породные земли» он возглавлял небольшую по численности группу «улусных людей» и, соответственно, не являлся сколько-нибудь крупной властной фигурой.

Конечно, нельзя исключить, что какие-то группы нелюдов, подвластных Гантимуру, переселились на р. Нерчу автономно от своего вождя. Но вряд ли они были многочисленны. В 1669 г. маньчжуры сообщили главе русской торговой миссии в Пекине С. Аблину, что «изменили де царю бохдою ево ясашные люди 170 человек и великим государем ясак платят в дарех (Даурии. – А. З.)», не пояснив, однако, о ком именно идет речь (Русско-китайские..., 1969, с. 291)³⁷. Позже, в 1676 г. в ходе переговоров с российским послом Н. Г. Спафарием они утверждали, что к Нерчинску от них перебежали «Кентемур с прочими, более нежели во сте человеках» (Журнал..., 1823, с. 55), не уточнив опять же, кто такие «прочие» – люди, подвластные Гантимуру, или иные тунгусские вожди, и бежали ли они одновременно и вместе или же раздельно и в разные годы.

Возвращение в русские владения Гантимура со своими улусными людьми было не первым (как это представляется в историографии) случаем реэмиграции тунгусов-«беженцев». Нерчинский приказчик Л. Б. Толбузин в своей отписке якутскому воеводе И. Ф. Голенищеву-Кутузову сообщал, что «во 172 (1663/64) году под Нерчинским и под Иргенским острогами живут ясачные тунгусы конные, прикочевали вново, а преж сего те тунгусы великим государем ясаку не плачивали, а ныне великим государем ясак дали, и хотят быть под их царскою высокою рукою до веку не отступны» (Дополнения..., 1851, с. 327). Но основная масса конных тунгусов (несколько родов) вернулась с р. Науна в южные районы Восточного Забайка-

³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 29. Л. 37 об.

³⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1388. Л. 29 об., 84.

³⁷ В комментариях к этой информации почему-то безапелляционно указано, что речь идет о Гантимуре (Русско-китайские..., 1969, с. 558).

ля, подконтрольные русским, уже после Гантимура, в конце 1660-х – 1680-х гг. (Элерт, 2018, с. 281–286) [Долгих, 1960, с. 343, 344, 345; Туголуков, 1975, с. 80, 96]. В исторической литературе присутствует мнение, что эти роды, перешедшие в русское подданство, находились в подчинении Гантимура и ушли из маньчжурских пределов вслед за своим предводителем [Серебренников, 1934, с. 1; Шубин, 1973, с. 36; Туголуков, 1975, с. 92, 96]. Однако в распоряжении исследователей нет никаких данных, говорящих о том, что Гантимур на момент возвращения возглавлял сколько-нибудь крупное объединение, да еще состоявшее из нескольких родов. Д. Д. Аршинский назвал его князем лишь одного Нелюдского рода (а не какого-то объединения родов) и указал всего лишь 40 чел., которые пришли с ним. Вряд ли нерчинский приказчик, заинтересованный продемонстрировать свои заслуги в деле увеличения числа подданных русского царя, стал бы утаивать и преуменьшать реальное число тех, кто пришел с Гантимуром. Группы же других выходцев, оседавшие в ведомстве Нерчинского острога, имели своих собственных предводителей – князцов, шуленг, зайсанов, в частности самый многочисленный среди восточно-забайкальских тунгусов Баягирский род возглавлял Дыдока (Элерт, 2018, с. 281–286) [Яковлева, 1958, с. 50; Долгих, 1960, с. 338–340, 344, 345, 346; Туголуков, 1975, с. 96]. И факт их самостоятельного выхода говорит об их независимости от нелюдского князя.

Косвенным свидетельством того, что общая численность вернувшихся нелюдов, подвластных Гантимуру, была весьма незначительна, является тот факт, что с начала 1670-х гг. упоминания о них, равно как и о Нелюдском роде, полностью исчезли из русских документов. Более того, Нелюдский род не вспоминали в своих челобитных и устных показаниях ни сам Гантимур, ни его сын Катанай, ни их ближайшие потомки. С середины же 1670-х гг. Гантимур, его потомки и их улусные люди стали рассматриваться и фиксироваться русской стороной как члены Дуликагирского рода конных тунгусов, который также вышел из маньчжурских пределов, а Гантимур даже назывался его князем [Зуев, 2023а, с. 159, 162, 163]. И примерно с этого же времени в источниках появляются данные уже о значительном числе людей, подвластных Гантимуру. Так, Н. Г. Спафарий в 1676 г. писал, что «племя ево (Гантимура. – А. 3.) соберетца больше трехсот человек» (Русско-китайские..., 1969, с. 498). В 1681 г. албазинский казачий атаман И. Коркин и нерчинский казак Ф. Усолец в своих распросных речах в Сибирском приказе поведали, что «Гайтимур живет от Нерчинского острогу в ближних местах... а с ним кочует ево Гайтимуровых улусных людей человек с пятьдесят, да под ним же де Гайтимуром ево роду ясашных тунгусов луков пятсот» (Зуев, 2023в, с. 126). В 1685 г. нерчинские сын боярский И. Милованов и казак С. Молодой, опрошенные в Сибирском приказе, общую численность тунгусов, подвластных Гантимуру, определили так: «А роду ево и улусных ево людей будет с 500 человек» (Зуев, 2023б, с. 285). И мы полагаем, что именно эту численность «рода» Гантимура (в первой половине 1680-х гг.) его потомки стали считать численностью тех, кто вернулся с ним на р. Нерчу в 1666/67 г. В связи с этим заметим, что Г. Ф. Миллер, бывший в середине 1730-х гг. в Восточном Забайкалье и общавшийся с потомками Гантимура, приводимую ими цифру в 500 чел. оценил не как число людей, пришедших с Гантимуром, а как общую численность всех вернувшихся в разное время тунгусских родов (Элерт, 2018, с. 278).

Подводя итог вышеизложенному, констатируем, что анализ введенных к настоящему времени в научный оборот аутентичных источников свидетельствует о том, что в первой половине 1650-х гг., когда русские землепроходцы появились на юге Восточного Забайкалья, Гантимур возглавлял нелюдов и, возможно, в короткие отрезки времени некоторые тунгусские роды – шародувов, почегов, дуларов и киптягиров, обитавших в верховьях р. Шилки, но при этом у него не было сколько-нибудь высокого властного статуса. Характер и контекст упоминания Гантимура и иных местных князей / князцов в источниках однозначно говорят о том, что предводитель нелюдов никак не выделялся по своему политическому весу среди прочих представителей потестарной элиты этнотерриториальных объединений (родов), он был лишь одним из них и, соответственно, не возглавлял (по крайней мере, длительное вре-

мя) сколько-нибудь крупное объединение тунгусов или тунгусов, монголов и дауров. Роды и их главы, обитавшие в Даурии (на юге Восточного Забайкалья и в верховьях Амура), в источниках фигурируют явно как самостоятельные и независимые от Гантимура.

Список литературы

- Аинчина Т. М.** Древний эвенкийский род Гантимуровых // Забайкальское казачество на службе Отечеству: история и современность. Улан-Удэ, 2006. С. 92–96.
- Александров В. А.** Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Хабаров. кн. изд-во, 1984. 272 с.
- Артемьев А. Р.** России верное служение (Род князей Гантимуровых) // Забытые имена. Владивосток, 1995. Вып. 1. С. 47–59.
- Варламов А. Н.** Сонинги Дулин Буга: этногенез и этническая история эвенков. Новосибирск: Наука, 2022. 704 с.
- Гончаренко Р. В., Коржова С. Г.** Князья Гантимуровы – российские дворяне Забайкалья. Новосибирск: Тип. «Деалсиб», 2018. 208 с.
- Григорьева Е. А.** Проблема Гантимура в русско-китайском споре XVII в. о границах // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: Материалы XXIII Междунар. науч. конф. М., 2011. С. 219–222.
- Дамдинов Д. Г.** О предках Гантимуровых (титулованных князей и дворян по московскому списку). Улан-Удэ, 1996. 94 с.
- Долгих Б. О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 621 с.
- Жамсаранова Р. Г.** Тунгусы князя Гантимура. Чита: ЗабГУ, 2018. Ч. 1. 252 с.
- Жамсаранова Р. Г.** Об онимах *тунгус* и *Гантимур*: лингвогенез и происхождение // I Научные Гантимуровские чтения: Сб. докл. Чита: Читин. город. тип., 2023. С. 59–73.
- Зуев А. С.** О властном статусе тунгусского князя Гантимура // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2012. Т. 18. С. 346–349.
- Зуев А. С.** Гантимур и русские землепроходцы: из истории русско-тунгусских отношений в Забайкалье в середине XVII в. // Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVII – начале XX в. Иркутск, 2013. С. 134–152.
- Зуев А. С.** Богдойский боярин Гантимур: рождение и развенчание мифа // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 8: История. С. 9–34. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-8-9-34
- Зуев А. С.** Загадки этнической идентификации нелюдов и Гантимура // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023а. Т. 22, № 7: Археология и этнография. С. 142–159. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-142-159
- Иванчик С. Н., Кононенко Н. И.** Князь Е. И. Гантимуров (тайны происхождения рода). Новосибирск: Изд-во Сиб. гос. ун-та водн. трансп., 2016. 99 с.
- Мазуров И. В., Пастухов А. М.** Очерки истории Российского Дальнего Востока. Хабаровск: Изд-во ДВАГС, 2009. Кн. 1. 383 с.
- Мелихов Г. В.** О северной границе вотчинных владений маньчжурских (цинских) феодалов в период завоевания ими Китая (40–80-е годы XVII в.) // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982а. С. 18–70.
- Мелихов Г. В.** Как готовилась агрессия феодальных правителей Цинского Китая против русских поселений на Амуре в 80-х годах XVII в. // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982б. С. 71–98.
- Мясников В. С.** Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: Наука, 1980. 311 с.
- Нанзатов Б. З.** Урульгинский котел: взаимодействие дагуров, солонов, монголов, маньчжуров, бурят и эвенков на востоке Бурятии // Вестн. БНЦ СО РАН. 2012. № 3. С. 99–108.

- Паршин В. П.** Поездка в Забайкальский край. М.: Тип. Н. Степанова, 1844. Ч. 2. 208 с.
- Полухин А. В.** Вожди забайкальских эвенков: Гантимур и Катанай на службе у Петра // Забайкалье в эпоху петровских преобразований: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Чита, 2022. С. 54–58.
- Самбуева Л. В.** Бурятское и эвенкийское казачество на страже Отечества (вторая четверть XVIII – первая половина XIX в.). Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2003. 208 с.
- Серебренников И. И.** Князь Гантимур. Исторический очерк. Shanghai: Far Eastern Times, 1934. 20 с.
- Словцов П. А.** Историческое обозрение Сибири. Новосибирск: Вен-Мер, 1995. 676 с.
- Соломин А. В.** Князья Гантимуровы. М.: Старая Басманная, 2016. 292 с.
- Спасский Г. И.** Исторические сведения о сибирских тунгусах вообще и о забайкальских в особенности // Сибирский вестник. 1822. Ч. 18. С. 21–30 (339–348).
- Туголуков В. А.** Конные тунгусы (Этническая история и этногенез) // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 78–110.
- Ураи-Кёхальми К.** К вопросу об образовании кочевых государств (на материалах даурской племенной конфедерации XVII в.) // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск, 1985. С. 124–129.
- Хартанович М. Ф., Хартанович М. В.** Тунгусские князья Гантимуровы // Наука из первых рук. 2011. № 3. С. 70–83.
- Цыбенков Б. Д.** История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2012. 252 с.
- Шубин А. С.** Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII–XX вв.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. 108 с.
- Энциклопедия Забайкалья: Читинская область. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 1. 302 с.; 2003. Т. 2. 418 с.
- Яковлева П. Т.** Первый русско-китайский договор 1689 года. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 235 с.
- Dumbravă D.** The First Political Borders of the Eurasian Continent at the Northern “Entrances” to the Son of Heaven? // Tomás Pereira, S. J (1646–1707). Life, work and world. Lisboa, 2010. P. 317–352.
- Kim L. E.** Ethnic Chrysalis: China’s Orochen People and the Legacy of Qing Borderland Administration. Cambridge: Harvard Uni. Press, 2019. 364 p.
- Lee R. H. G.** The Manchurian Frontier in China History. Cambridge: Harvard Uni. Press, 1970. 229 p.
- Perdue P. C.** China Marches West: the Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge; London: Belknap Press of Harvard Uni. Press, 2005. 725 p.
- Questa R. K. I.** Sino-Russian Relations: A Short History. London; New York: Routledge, 2005. 198 p.

Список источников

- Акты исторические. СПб.: Тип. II-го Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1842. Т. 4. 592 с.
- Дополнения к актам историческим. СПб.: Тип. Э. Праца, 1848. Т. 3. 563 с.; 1851. Т. 4. 444 с.; 1857. Т. 6. 508 с.
- Журнал, веденный в Пекине по случаю прибытия из России посланника Николая Гавриловича Спафария, отправленного по высочайшему Его Царского Величества указу в 1676 году, царствования китайского Хуандия Кансия в 15 лето / Пер. с маньчж. // Сибирский вестник. 1823. Ч. 3. С. 29–100.
- Зуев А. С.** Обзор источников к биографии Гантимура // Память о прошлом в письменных источниках XVII–XX вв. Новосибирск, 2023б. С. 272–290.

- Зуев А. С.** Описание Забайкалья и Приамурья 1681 года // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023в. Т. 22, № 1: История. С. 122–132. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-122-132
- Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову на воеводство в Даурской земле // Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 15. Разд. 5. С. 1–37.
- Полевой Б. П.** Изветная челобитная С. В. Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Владивосток, 1995. Т. 2. С. 7–54.
- Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы. М.: Наука, 1969. Т. 1. 614 с.
- Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. Вып. 1. 492 с.
- Элерт А. Х.** Ведомости Нерчинской воеводской канцелярии о родовом составе, численности, расселении и ясачных платежах коренного населения уезда (1735 г.) // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск, 2018. С. 271–289.

References

- Ainchina T. M.** Drevnii evenkiiskii rod Gantimurovykh [The Ancient Evenk Clan of the Gantimurovs]. In: Zabaikal'skoe kazachestvo na sluzhbe Otechestvu: istoriya i sovremennost' [Trans-Baikal Cossacks Guard the Fatherland: History and Modernity]. Ulan-Ude, 2006, pp. 92–96. (in Russ.)
- Aleksandrov V. A.** Rossiya na dal'nevostochnykh rubezhakh (vtoraya polovina XVII v.) [Russia in the Far Eastern Borders (2nd Half of the 17th Century)]. Khabarovsk, Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984, 272 p. (in Russ.)
- Artemyev A. R.** Rossii vernoe sluzhenie (Rod knyazei Gantimurovykh) [Faithful Service to Russia (Clan of the Gantimurov Princes)]. In: Zabytye imena [Forgotten Names]. Vladivostok, 1995, iss. 1, pp. 47–59. (in Russ.)
- Goncharenko R. V., Korzhova S. G.** Knyaz'ya Gantimurovy – rossiiskie dvoryane Zabaikal'ya [The Gantimurov Princes – Russian Nobles from Transbaikalia]. Novosibirsk, Tipografiya “Dealsib”, 2018, 208 p. (in Russ.)
- Grigoryeva E. A.** Problema Gantimura v rusko-kitaiskom spore XVII v. o granitsakh [The Gantimur Problem in the 17th Century Russo-Chinese Border Dispute]. In: Istoricheskaya geografiya: prostranstvo cheloveka vs chelovek v prostranstve: Materialy XXIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Historical Geography: Human Space vs Human in Space: Proceedings of the 23rd International Scientific Conference]. Moscow, 2011, pp. 219–222. (in Russ.)
- Damdinov D. G.** O predkakh Gantimurovykh (titulovannykh knyazei i dvoryan po moskovskomu spisku) [On the Ancestors of the Gantimurovs (Princely Families and Nobility according to the Moscow List)]. Ulan-Ude, 1996, 94 p. (in Russ.)
- Dolgikh B. O.** Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII v. [Clan and Tribal Composition of the Peoples of Siberia in the 17th Century]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960, 621 p. (in Russ.)
- Dumbravă D.** The First Political Borders of the Eurasian Continent at the Northern “Entrances” to the Son of Heaven? In: Tomás Pereira, S. J. (1646–1707). Life, Work and World. Lisbon, 2010, pp. 317–352.
- Entsiklopediya Zabaikal'ya. Chitinskaya oblast' [Encyclopedia of Transbaikalia. Chita Region]. Novosibirsk, Nauka, 2002, vol. 1, 302 p.; 2003, vol. 2, 418 p. (in Russ.)
- Ivanchik S. N., Kononenko N. I.** Knyaz' E. I. Gantimurov (tainy proiskhozhdeniya roda) [Prince E. I. Gantimurov (Secret of the Clan's Origin)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta vodnogo transporta, 2016, 99 p. (in Russ.)

- Khartanovich M. F., Khartanovich M. V.** Tungusskie knyaz'ya Gantimurovy [The Tungus Princes of Gantimurov]. *Nauka iz pervykh ruk [Science First Hand]*, 2011, no. 3, pp. 70–83. (in Russ.)
- Kim L. E.** Ethnic Chrysalis: China's Orochen People and the Legacy of Qing Borderland Administration. Cambridge, Harvard Uni. Press, 2019, 364 p.
- Lee R. H. G.** The Manchurian Frontier in China History. Cambridge, Harvard Uni. Press, 1970. 229 p.
- Mazurov I. V., Pastukhov A. M.** Ocherki istorii Rossiiskogo Dal'nego Vostoka [Essays on the History of the Russian Far East]. Khabarovsk, Izdatel'stvo DVAGS, 2009, book 1, 383 p. (in Russ.)
- Melikhov G. V.** O severnoi granitse votchinnnykh vladenii man'chzhurskikh (tsinskikh) feodalo v period zavoevaniya imi Kitaya (40–80-e gody XVII v.) [The Northern Border of the Patrimonial Estates of Manchu (Ching) Feudal Lords during the Conquest of China (1640s to 1680s)]. In: Dokumenty oprovergayut. Protiv fal'sifikatsii istorii russko-kitaiskikh otnoshenii [Documents Refute. Against the Falsification of the History of Russian-Chinese Relations]. Moscow, 1982, pp. 18–70. (in Russ.)
- Melikhov G. V.** Kak gotovilas' agressiya feodal'nykh pravitelei Tsinskogo Kitaya protiv russkikh poselenii na Amure v 80-kh godakh XVII v. [How the Feudal Rulers of the Ch'ing Empire Prepared Their Aggression against the Russian Settlements on the Amur in the 1680s]. In: Dokumenty oprovergayut. Protiv fal'sifikatsii istorii russko-kitaiskikh otnoshenii [Documents Refute. Against the Falsification of the History of Russian-Chinese Relations]. Moscow, 1982, pp. 71–98. (in Russ.)
- Myasnikov V. S.** Imperiya Tsin i Russkoye gosudarstvo v XVII veke [The Qing Empire and the Russian State in the 17th Century]. Moscow, Nauka, 1980, 311 p. (in Russ.)
- Nanzatov B. Z.** Urul'ginskii kotel: vzaimode'stvie dagurov, solonov, mongolov, man'zhurov i evenkov na vostoке Buryatii [The Urulga Basin: The Interaction of the Dagurs, Solons, Mangols, Manchu, Buryats and Evenks in the East of Buryatia]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]*, 2012, no. 3, pp. 99–108. (in Russ.)
- Parshin V. P.** Poezdka v Zabaikal'skii krai [A Trip to the Trans-Baikal Territory]. Moscow, Tipografiya N. Stepanova, 1844, pt. 2, 208 p. (in Russ.)
- Perdue P. C.** China Marches West: the Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge, London, Belknap Press of Harvard Uni. Press, 2005, 725 p.
- Polukhin A. V.** Vozhdi zabaikal'skikh evenkov: Gantimur i Katanai na sluzhbe u Petra [Leaders of the Transbaikalian Evenks: Gantimur and Katanay in the Service of Peter]. In: Zabaikal'e v epokhu petrovskikh preobrazovaniy: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Transbaikalia in the Era of Peter the Great's Reforms: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Chita, 2022, pp. 54–58. (in Russ.)
- Quested R. K. I.** Sino-Russian Relations: A Short History. London, New York, Routledge, 2005, 194 [4] p.
- Sambueva L. V.** Buryatskoe i evenkiiskoe kazachestvo na strazhe Otechestva (vtoraya chetvert' XVIII – pervaya polovina XIX v.) [The Buryat and Evenk Cossacks Guard the Fatherland (the Second Quarter of the 18th – the First Half of the 19th Century)]. Ulan-Ude, Izdatel'stvo VSGTU, 2003, 208 p. (in Russ.)
- Serebrennikov I. I.** Knyaz' Gantimur. Istoricheskii ocherk [Prince Gantimur: Historical Essay]. Shanghai, Far Eastern Times, 1934, 20 p. (in Russ.)
- Shubin A. S.** Kratkii ocherk etnicheskoi istorii evenkov Zabaikal'ya (XVII–XX vv.) [A Brief Essay on the Ethnic History of the Evenks of Transbaikalia (17th – 20th Centuries)]. Ulan-Ude, Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1973, 108 p. (in Russ.)
- Slovtsov P. A.** Istoricheskoe obozrenie Sibiri [Historical Review of Siberia]. Novosibirsk, Izdatel'stvo "Ven-Mer", 1995, 676 p. (in Russ.)

- Solomin A. V.** Knyaz'ya Gantimurovy [The Gantimurov Princes]. Moscow, Staraya Basmannaya, 2016, 292 p. (in Russ.)
- Spassky G. S.** Istoricheskie svedeniya o sibirskikh tungusakh voobshche i o zabaikal'skikh v osobennosti [Historical Information on Siberian Tungus in General and about Transbaikalian Tungus in Particular]. *Sibirskii vestnik* [Siberian Bulletin], 1822, pt. 18, pp. 21–30 (339–348). (in Russ.)
- Tsybenov B. D.** Istoriya i kul'tura daurov Kitaya. Istoriko-etnograficheskie ocherki [History and Culture of the Daurians of China. Historical and Ethnographic Essays]. Ulan-Ude, Izdatel'stvo VSGUTU, 2012, 252 p. (in Russ.)
- Tugolukov V. A.** Konnye tungusy (Etnicheskaya istoriya i etnogenez) [Nomadic Tungus (Ethnic History and Ethnogenesis)]. In: *Etnogenez i etnicheskaya istoriya narodov Severa* [Ethnogenesis and Ethnic History of the Indigenous Peoples of the North]. Moscow, 1975, pp. 78–110. (in Russ.)
- Uray-Köhlmi K.** K voprosu ob obrazovanii kochevykh gosudarstv (na materialakh daurskoi plemennoi konfederatsii XVII v.) [On the Issue of the Formation of Nomadic States (Based on the Materials of the Daurian Tribal Confederation of the 17th Century)]. In: *Uralo-altaistika. Arkheologiya. Etnografiya. Yazyk* [Ural-Altaistics. Archeology. Ethnography. Language]. Novosibirsk, 1985, pp. 124–129. (in Russ.)
- Varlamov A. N.** Soningi Dulin Buga: etnogenez i etnicheskaya istoriya evenkov [Sonings Dulin Buga: Ethnogenesis and Ethnic History of the Evenks]. Novosibirsk, Nauka, 2022, 704 p. (in Russ.)
- Yakovleva P. T.** Pervyi russko-kitaiskii dogovor 1689 goda [The First Russian-Chinese Treaty of 1689]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 1958, 235 p. (in Russ.)
- Zhamsaranova R. G.** Tungusy knyazya Gantimura [Tungusic People of Prince Gantimur]. Chita, Zabaikal'skii gosudarstvennyi universitet, 2018, pt. 1, 252 p. (in Russ.)
- Zhamsaranova R. G.** Ob onimakh *tungus* i *Gantimur*: lingvogenez i proiskhozhdenie [About the Tungus and Gantimur Onyms: Linguogenesis and Origin]. In: *I nauchnye Gantimurovskie chteniya: sbornik dokladov* [1st Scientific Gantimurov Readings: Collection of Reports]. Chita, 2023, pp. 59–73. (in Russ.)
- Zuev A. S.** O vlastnom statuse tungusskogo knyazya Gantimura [On the Political Status of the Tungus Prince Gantimur]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk, 2012, vol. 18, pp. 346–349. (in Russ.)
- Zuev A. S.** Gantimur i russkie zemleprokhodtsy: iz istorii russko-tungusskikh otnoshenii v Zabaikal'e v seredine XVII v. [Gantimur and Russian Explorers: From the History of Russian-Tungus Relations in Transbaikalia at the Middle of the 17th Century]. In: *Sibir' v imperii – imperiya v Sibiri: imperskie protsessy na okrainakh Rossii v XVIII – nachale XX v.* [Siberia and Empire – Empire and Siberia: Imperial Processes in the Remote Areas of Russia in the 18th – early 20th Centuries]. Irkutsk, 2013, pp. 134–152. (in Russ.)
- Zuev A. S.** Bogdoiskii boyarin Gantimur: rozhdenie i razvenchanie mifa [Boyar Gantimur from Bogdoy Khan: Birth and Debunk of a Myth]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 8: History, pp. 9–34. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-8-9-34
- Zuev A. S.** Zagadki etnicheskoi identifikatsii nelyudov i Gantimura [Mysteries of the Ethnic Identification of Nelyud Clan and Gantimur]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 142–159. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-142-159

List of Sources

Akty istoricheskie [Historical Acts]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii, 1842, vol. 4, 592 p. (in Russ.)

- Dopolneniya k aktam istoricheskim [Addendums to Historical Acts]. St. Petersburg, Tipografiya E. Pratsa, 1848, vol. 3, 563 p.; 1851, vol. 4, 444 p.; 1857. vol. 6, 508 p. (in Russ.)
- Elert A. Kh.** Vedomosti Nerchinskoi voevodskoi kantselyarii o rodovom sostave, chislennosti, rasselenii i yasachnykh platezhakh korenного naseleniya uezda (1735 g.) [The Source Book of the Nerchinsk Voivodeship Chancellery on the Kinship Structure, Population Size, Settlement and Yasak Tribute of the Indigenous People of the Uezd (1735)]. In: Traditsii russkoi dukhovnoi kul'tury v pamyatnikakh pis'mennosti XVI–XX vv. [Traditions of Russian Intangible Culture in the Written Sources of the 16th – 20th Centuries]. Novosibirsk, 2018, pp. 271–289. (in Russ.)
- Nakaz Afanasiyu Filippovichu Pashkovu na voevodstvo v Dauriskoi zemle [Instruction to Afanasy Filippovich Pashkov for the Voivode's Post in Dauria Land]. In: Russkaya istoricheskaya biblioteka [Russian Historical Library]. St. Petersburg, 1894, vol. 15, section 5, pp. 1–37. (in Russ.)
- Polevoy B. P.** Izvetnaya chelobitnaya S. V. Polyakova 1653 g. i ee znachenie dlya arkheologov Priamur'ya [The Famous Petition of S. V. Polyakov (1653) and Its Significance for the Archaeologists of the Amur Region]. In: Russkie pervopokhodtsy na Dal'nem Vostoke (istoriko-arkheologicheskie issledovaniya) [Russian Explorers in the Far East (Historical and Archaeological Research)]. Vladivostok, 1995, vol. 2, pp. 7–54 (in Russ.)
- Russko-kitaiskie otnosheniya v XVII v.: Materialy i dokumenty [Russo-Chinese Relations in the 17th century: Materials and Documents]. Moscow, Nauka, 1969, vol. 1, 614 p. (in Russ.)
- Sbornik dokumentov po istorii Buryatii. XVII vek [Collection of Documents on the History of Buryatia. 17th Century]. Ulan-Ude, Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960, iss. 1, 492 p. (in Russ.)
- Zhurnal, vedennyi v Pekine po sluchayu pribytiya iz Rossii poslannika Nikolaya Gavrilovicha Spafariya, otpravlenno po vysochaishemu Ego Tsarskogo Velichestva ukazu v 1676 godu, tsarstvovaniya kitaiskogo Khuandiya Kansiya v 15 leto [The Journal on the Arrival of the Envoy Nikolai Gavrilovich Spathari from Russia, Sent by the Decree of His Tsarial Majesty in 1676, in the 15th Summer of the Reign of Chinese Xuanye Kangxi, Kept in Beijing]. Translation from Manchu. *Sibirskii vestnik* [Siberian Bulletin], 1823, pt. 3, pp. 29–100. (in Russ.)
- Zuev A. S.** Opisanie Zabaikal'ya i Priamur'ya 1681 goda [Description of the Transbaikalia and the Amur Region in 1681]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 122–132. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-122-132
- Zuev A. S.** Obzor istochnikov k biografii Gantimura [Review of Sources for Gantimur's Biography]. In.: Pamyat' o proshlom v pis'mennykh istochnikakh XVII–XX vv. [Memory of the Past in Written Sources of the 17th – 20th Century]. Novosibirsk, 2023, pp. 272–290. (in Russ.)

Информация об авторе

Андрей Сергеевич Зуев, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 56765493200

Information about the Author

Andrey S. Zuev, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 56765493200

*Статья поступила в редакцию 28.01.2025;
одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 14.03.2025
The article was submitted on 28.01.2025;
approved after reviewing on 20.02.2025; accepted for publication on 14.03.2025*